

УДК 343.37

DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.05

**Л. В. Порватова,
С. С. Гостев**

Особенности развития советского уголовного права в годы Великой Отечественной войны

Во время введения в Советском Союзе военного положения значительно упростился процесс, связанный с принятием важных решений управленческого плана. Данное обстоятельство внесло свою лепту в процесс формирования и совершенствования советской правовой науки, в том числе в аспект уголовно-правового регулирования социальных отношений, что и анализируется в данной статье.

Ключевые слова: институт аналогии; уголовно-правовое регулирование; уголовно-правовая регламентация; уголовное право СССР; советское уголовное право.

В структуре политики военного уголовного права, существовавшей в Советском Союзе, нормативно-правовому регулированию мер уголовного наказания, применяемых за осуществление преступных деяний в период военного положения, всегда уделялось особенное внимание как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков [10, с. 342–346]. Нужно привести уточнение о том, что самые важные нормы и институты уголовно-правовой сферы довоенного периода все еще функционировали и в военный период.

Вместе с тем в содержание Общей части УК РСФСР в редакции 1926 года включены некоторые указы, изданные Президиумом Верховного Совета Советского Союза. В частности, среди них выделяются:

– Указ от 26 февраля 1943 года «О признании неимеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками Родины и освобожденных судом от наказания» [9, с. 84];

– Указ от 27 февраля 1942 года «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников водного и железнодорожного транспорта» [4, с. 8].

Военный период воспринимался в качестве осложняющего обстоятельства, выступая неким инструментом дифференциации уголовной ответственности. На данные обстоятельства обращается внимание в содержании 22 статей из 31 статьи Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года, которые регламентируют меры уголовного наказания за осуществление воинских преступных деяний.

Безусловно, в период Великой Отечественной войны обстановка военного характера воспринималась в качествеотягчающего обстоятельства при рассмотрении преступных деяний, которые указываются в содержании Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и рядом уголовных статей иных республик.

Зафиксированный в УК РСФСР довоенного периода институт аналогии смог получить довольно обширное использование в правоприменении в военный период. Здесь необходимо отметить, что применение рассматриваемого института в целях компенсации пробелов, имеющих в уголовном законодательстве, недопустимо, однако военная обстановка в полной мере оправдывала это.

Применение аналогии активно практиковалось в следующих постановлениях:

- № 986 от 01 декабря 1941 года «Об ответственности за хищение снегозащитных ограждений на железной дороге»;
- № 1948 от 02 июля 1942 года «Об ответственности служащих железнодорожного транспорта за сохранность транспортируемых народнохозяйственных грузов в военный период» [7, с. 144] и пр.

Применение уголовно-карательных мер за осуществление рассматриваемых преступлений выполнялось с учетом требований Указа от 20.08.1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [11, с. 360].

Была предусмотрена исключительная уголовно-карательная мера — применение в отношении виновного лица смертной казни посредством расстрела с одновременным изъятием всей его собственности в пользу государства. Если же существовали обстоятельства, смягчающие уголовное наказание, то преступное лицо подвергалось тюремному заключению минимум на 10-летний срок с изъятием всей имеющейся у него собственности.

Далее, с учетом положений, отраженных в Постановлении Пленума ВС Советского Союза от 08 декабря 1942 года, необходимо было осуществлять квалификацию хищений гражданской собственности в период вражеских авиационных атак, равно как и при эвакуации из населенного пункта, в качестве хищений с обстоятельствами, отягчающими наказание, и соответствующими признаками хищения, осуществленного в ходе возгорания здания или прочего социального бедствия.

Необходимая информация была отражена в п. «г» ст. 162 УК РСФСР и некоторых уголовных статьях союзных республик. В том случае, когда такие имущественные хищения были осуществлены организованной группой либо имело место несколько преступных эпизодов, то в качестве аналогии рассматривался бандитизм.

Институт аналогии применялся в процессе рассмотрения следующих дел:

- преступления, связанные с уходом с предприятий военной промышленности, при учете требований Указа от 26.12.1941 года «Об ответственности служащих и работников военных предприятий за самовольное покидание

предприятий», воспринимались в качестве дезертирства. Мера ответственности за его осуществление подразумевала заключение виновного лица под стражу на срок 5–8 лет. В качестве дополнения к указу от 29 сентября 1942 года выступил Указ, изданный Президиумом ВС Советского Союза, «О переводе на военное положение рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» [3, с. 38];

– хищение имущества военнотрудового, равно как и хищение из квартиры граждан, которые были эвакуированы из мест осуществления военных действий, либо граждан, пребывающих в бомбоубежище, в дальнейшем отождествлялось с бандитизмом, который был осуществлен при наличии обстоятельств, отягчающих наказание (организованной группой);

– реализация продукции по стоимости, превышающей регламентированную государством, воспринималась как спекуляция. Вместе с тем не обращалось никакого внимания на то, что лицо, виновное в спекуляции, не скупало продукции, стремясь в перспективе получить наживу.

В течение военного периода законодатель решил усилить жесткость санкций, предусмотренных за некоторые прописанные тогда в законе преступные составы. Президиум ВС Советского Союза издал 26 декабря 1941 года соответствующий документ — Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [2, с. 2].

Подобная мера была вполне ожидаемой. Так, можно вспомнить хотя бы то, что 26 июня 1940 года указом Президиума ВС Советского Союза регламентировано, что служащие или рабочие, которые самостоятельно покинули социальные, кооперативные или государственные организации, подлежат наказанию в виде заключения под стражу на срок 2–4 месяца [1, с. 20].

Если же служащие или рабочие рассматриваемых организаций, не имея веской (уважительной) причины, не явились на свое рабочее место, то в их отношении применялось такое наказание, как трудовые или исправительные работы по месту профессиональной деятельности на срок до полугода. При этом из зарплаты осужденного в пользу государства удерживалось до 25 %.

Постановление ЦК ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров Советского Союза «О повышении обязательного минимума трудодней для колхозников» от 13 апреля 1942 года определило, что граждане, работающие в колхозе и не отработавшие обязательного минимального количества трудовых дней без веских причин, подвергаются суду и наказанию в форме трудовых и исправительных работ в колхозах в течение полугода. При этом в пользу колхоза удерживается 25 % от общего объема оплаты трудовых дней.

Помимо этого, колхозные бригадиры и председатели за факт уклонения от осуждения граждан-колхозников, которые не отработали минимальное и обязательное количество трудовых дней, тоже подлежали наказанию. Нужно привести уточнение о том, что в тот период недоработка трудовых дней воспринималась в качестве дисциплинарного проступка.

Ответственность уголовного плана предусматривалась за деяния, не считавшиеся уголовно-наказуемыми в довоенный период. Пленум ВС Советского Союза в постановлении от 26 июня 1941 года «О квалификации нарушений распоряжений и правил по местной противовоздушной обороне» привел указание на то, что несоблюдение данных правил карается мерами, предусмотренными в ст. 59-6 Уголовного кодекса РСФСР и статьях уголовных кодексов иных республик СССР.

Изданный Президиумом ВС Советского Союза указ от 06 июля 1941 года предопределял возможность использования уголовно-карательных мер за активное распространение ложных слухов в течение военного периода [5, с. 32]. Согласно данному документу за соответствующее преступное деяние нарушителю грозило от 2 до 5 лет тюремного заключения.

В случае, когда осуществленное деяние стало причиной возникновения серьезных последствий, то, соответственно, это приводило к применению более сурового уголовного наказания. Так, 14 июля 1941 года и 22 сентября 1941 года Пленум ВС Советского Союза привел указания на то, что отказ от предоставления биноклей призматического типа и приемников радиочастотных сигналов должно наказываться на основании положений ст. 59-6 Уголовного кодекса РСФСР и статей уголовных кодексов иных союзных республик [8, с. 6].

26 января 1942 года появился Приказ № 6 советского наркомата юстиции. Данный документ предопределял меры наказания, которые применялись относительно лиц, живших на освобожденных красноармейцами территориях, за их уклонение от предоставления трофейных вещей и предметов, которые были оставлены вражескими войсками.

Также предопределялись уголовно-карательные меры за осуществление следующих деяний в течение периода военных действий:

- отказ от мобилизации;
- отказ от мобилизации в целях осуществления работ по строительству;
- отказ от мобилизации в целях осуществления работ в сельскохозяйственной сфере.

Изданный Президиумом ВС Советского Союза указ от 19 апреля 1943 года предопределил практическое внедрение новой разновидности карательной меры — ссылку на каторжные работы на период от 15 до 20 лет и смертную казнь за преступные деяния, которые были осуществлены захватчиками-фашистами и лицами, которые являются их пособниками.

Президиум ВС Советского Союза 15 ноября 1943 года издал Указ «Об ответственности за разглашение государственной тайны или потерю документации, в которой была отражена государственная тайна», которым предопределял уголовно-карательные меры за осуществление преступлений, прописанных в законодательстве, в виде тюремного заключения на срок до 10 лет для служащих соответствующих учреждений. В отношении граждан, преступления которых не имеют связи с должностными/служебными обязанностями, срок данного наказания был сокращен до трех лет.

Неисполнение главами учреждений/предприятий комплекса мер по эвакуации с территорий, на которых было в официальном порядке объявлено о военном положении, персонала экономических объектов влекло за собой заключение под стражу на срок от 5 до 10 лет. Для соответствующих целей был издан Указ Президиума ВС Советского Союза от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах».

В текстах большого количества издаваемых СНК и Государственным комитетом обороны (ГКО) Советского Союза постановлений присутствовали специализированные пункты, связанные с определением уголовно-карательных мер за несоблюдение или неисполнение требований данных документов.

В частности, в Постановлении от 25 марта 1942 года «О работе железнодорожного транспорта» ГКО сформулировал следующее предупреждение: руководители, не принимающие должных мер по достижению стабильного функционирования и наведению должного порядка на железных дорогах, не обеспечивающие строгого соблюдения дисциплины и не стремящиеся исправить положение дел в данной сфере, будут подвержены суровому наказанию на основании законов периода военных действий.

Верховный суд и Верховный Совет Советского Союза предопределили, что в населенных пунктах, которые оказались под оккупацией, все еще действуют нормы законодательства Советского Союза. Кроме того, 11 декабря 1941 года ВС Советского Союза издал постановление, согласно которому карательные меры в отношении лиц, осуществивших преступные деяния на оккупированных территориях, предопределялись нормами уголовного кодекса той республики Советского Союза, на территории которой было осуществлено это преступное деяние [6, с. 12].

ГКО издал 24 июня 1942 года Постановление «О членах семей изменников Родине». В содержании данного документа было предопределено, что достигшие возраста совершеннолетия члены семейств граждан и военных, которые были подвергнуты органами суда или Особым совещанием при советском НКВД к наивысшей карательной мере по нормам ст. 58-1а Уголовного кодекса РСФСР и уголовных кодексов иных республик за шпионские действия в пользу фашистской Германии и иных государств, являвшихся ее союзниками, за переход на вражескую сторону, помощь фашистским захватчикам и предательство Родины, службу в административных или карательных органах фашистов на оккупированных ими землях, а также за попытку предать Родину, должны были быть отосланы в отдаленные советские земли или быть арестованными на срок 5 лет.

При этом в содержании постановления было конкретизировано то, что членами семейства предавшего Родину лица выступали сестры/братья, дочери/сыновья, супруга/супруг, проживавшие вместе с предавшим Родину лицом, либо пребывавшие на иждивении данного лица на момент его призыва в армию ввиду начала военного конфликта.

Из сказанного выше следует, что развитие уголовно-правовой системы СССР в период Великой Отечественной войны имело следующие специфические особенности:

1. Определение, с учетом норм ст. 49 Конституции Советского Союза 1936 года и указа, изданного Президиумом ВС Советского Союза 22 июня 1941 года, статуса военного периода в качестве обстоятельства, отягчающего наказания, предусмотренные всеми существующими составами Особенной части Уголовного кодекса РСФСР в его редакции 1926 года.

2. В уголовно-правовой системе активно и обширно применялся институт аналогии, который также назывался законами о приравнивании.

3. С точки зрения законодателя, особого внимания заслуживали следующие преступные деяния:

– преступные деяния, ориентированные против общественного имущества (включая преступные деяния, которые касались вопросов собственности железных дорог);

– преступные деяния контрреволюционного характера;

– скупка продовольствия в целях дальнейшей ценовой спекуляции;

– осознанная и целенаправленная порча урожайных сборов и посевов;

– имущественные преступные деяния (хищения);

– невыполнение лицами норм трудовой дисциплины и соответствующих обязанностей;

– активное освещение домыслов и не являвшихся правдивыми слухов, которые становились причинами нарастания беспокойства среди граждан, что позднее отождествлялось с агитацией контрреволюционной направленности.

4. Определение уголовно-карательных мер за новые преступные составы, которые были интегрированы в практику ввиду введения военного положения.

5. Практическое применение специфических карательных мер в форме каторжных работ и смертной казни посредством повешения для специализированных субъектов (фашистов и лиц, которые являлись их пособниками).

Литература

1. Указ Президиума Верховного совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20. 26 июня.

2. Указ Президиума Верховного совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. 12 января.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переводе на военное положение рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 38. 10 октября.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 8. 17 марта.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32. 18 июля.

6. Постановление Пленума ВС СССР № 29/13/у от 14 июля 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 144.

7. Постановление Пленума ВС СССР № 41/21/у от 22 сентября 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 144.

8. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М.: Терра, 1997. Т. 13. С. 84.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками родины и освобожденных судом от наказания». 1943. № 84 // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 144.

10. Звонарев А. В., Пашенцев Д. А. Чрезвычайное законодательство как средство регулирования общественных отношений в первый месяц Великой Отечественной войны // Образование и право. 2020. № 5. С. 342–348.

11. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР 1932 г. № 62. С. 360.

Literatura

1. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo soveta SSSR «O perexode na vos`michasovoj rabochij den`, na semidnevnyuyu rabochuyu nedelyu i o zapreshhenii samovol`nogo uxoda rabochix i sluzhashhix s predpriyatij i uchrezhdenij» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1940. № 20. 26 iyunya.

2. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo soveta SSSR «Ob otvetstvennosti rabochix i sluzhashhix predpriyatij voennoj promy`shlennosti za samovol`ny`j uxod s predpriyatij» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1942. № 2. 12 yanvarya.

3. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «O perevode na voennoe polozhenie rabochix, sluzhashhix i inzhenerno-texnicheskix rabotnikov v blizkix k frontu rajonax» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1942. № 38. 10 oktyabrya.

4. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 27 fevralya 1942 g. «Ob otsrochke ispolneniya prigovorov v otnoshenii rabotnikov zheleznodorozhnogo i vodnogo transporta» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1942. № 8. 17 marta.

5. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 6 iyulya 1941 g. «Ob otvetstvennosti za rasprostranenie v voennoe vremya lozhny`x sluxov, vzbuzhdayushhix trevogu sredi naseleniya» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 32. 18 iyulya.

6. Postanovlenie Plenuma VS SSSR № 29/13/u ot 14 iyulya 1941 g. // Zakonodatel`ny`e i administrativno-pravovy`e akty` voennogo vremeni s 22 iyunya 1941 g. po 22 marta 1942 g. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo NKYu SSSR, 1942. S. 144.

7. Postanovlenie Plenuma VS SSSR № 41/21/u ot 22 sentyabrya 1941 g. // Zakonodatel`ny`e i administrativno-pravovy`e akty` voennogo vremeni s 22 iyunya 1941 g. po 22 marta 1942 g. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo NKYu SSSR, 1942. S. 144.

8. Prikazy` narodnogo komissara oborony` SSSR. 1943–1945 gg. M.: Terra, 1997. T. 13. S. 84.

9. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «O priznanii ne imeyushhimi sudimosti voennosluzhashhix, proyavivshix sebya stojkimi zashhitnikami rodiny` i osvobodhdenny`x sudom ot nakazaniya». 1943. № 84 // *Zakonodatel`ny`e i administrativno-pravovy`e akty` voennogo vremeni s 22 iyunya 1941 g. po 22 marta 1942 g.* M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo NKYu SSSR, 1942. S. 144.

10. Zvonarev A. V., Pashencev D. A. Chrezvy`chajnoe zakonodatel`stvo kak sredstvo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij v pervy`j mesyacz Velikoj Otechestvennoj vojny` // *Obrazovanie i pravo.* 2020. № 5. S. 342–348.

11. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 7 avgusta 1932 g. // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest`yanskogo Pravitel`stva SSSR 1932 g.* № 62. S. 360.

L. V. Porvatova,
S. S. Gostev

Features of the Soviet Criminal Law Development during the Great Patriotic War

Within the framework of the domestic science of criminal law the issue of legislative norms, the operation of which is associated with special conditions, has received an independent applied and theoretical significance, it is also applied to the period when military actions were carried out. When martial law was introduced throughout the Soviet Union, the process associated with the adoption of important decisions on the management plan was greatly simplified. This was due to the emergence of a clear need for the fastest possible response to the changing situation, which was observed both in the rear and at the fronts. Of course the presented circumstance contributed to the process of the formation and improvement of Soviet legal science, including the aspect of criminal law regulation of social relations.

Keywords: institution of analogy; criminal law regulation; criminal law of the USSR; Soviet criminal law.